

Т. В. Паликова. Городское пространство Внутренней Азии в травелогах российской ориенталистики XIX — начала XX в.

Научная статья
УДК 94(1-21)(5-015)
DOI: 10.18101/2305-753X-2021-1-3-19

**ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ
В ТРАВЕЛОГАХ РОССИЙСКОЙ ОРИЕНТАЛИСТИКИ
XIX — НАЧАЛА XX в.**

© **Паликова Татьяна Вадимовна**

доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
tatianap25@yandex.ru

Аннотация. Статья представляет собой продолжение изучения восприятия «Иного» в рамках бинарности «Свой — Чужой» по ряду критериев, предпринятого нами в предшествующей публикации¹. Для подтверждения первоначальных выводов был существенно расширен ряд отечественных «travel writing» миссионеров, ученых, военных, публицистов и просто «экспедиционеров» XIX — начала XX в. Используя литературоведческую теорию жанра травелога, пограничного с документальной литературой (дневники, отчеты, воспоминания, записки, эпистолярии), автор приходит к выводу о ее возможном применении в исторических исследованиях и выделяет несколько тем, наиболее часто встречаемых в текстах путешественников: граница, пространство, город, который воздействует на всю чувственную сферу человека (зрение, обоняние, слух) одновременно, вызывая в большинстве случаев первоначальное неприятие, сменяющееся со временем привыканием, но не исчезающее окончательно.

Ключевые слова: путешествие, XIX — начало XX в., Китай, город, описание

Для цитирования

Паликова Т. В. Городское пространство Внутренней Азии в травелогах российской ориенталистики XIX — начала XX в. // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2021. Вып. 1. С. 3–19.

Китай как тема в ориентальном дискурсе появляется позже, чем собственно «восточный вопрос», породивший его, но она чрезвычайно обширна и выходит далеко за те более чем 40 произведений, попавших в поле нашего зрения. Тем не менее приходится констатировать, что для самих авторов, несмотря на длительность исследований, Китай даже и в XX в. все еще оставался в некотором роде «терра инкогнита».

Прежде чем приступить непосредственно к обозначенной теме, необходимо высказать несколько замечаний, касающихся и травелога, и собственно путешествия.

¹ Паликова Т. В. Восприятие «востока» в эпистолярном наследии путешественников в Китай и Монголию в XIX — начале XX в. // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2018. Вып. 2. С. 68–74.

Термин «травелог»/«трэвэллог» (travelog) впервые использован в литературоведении как обозначение жанра словесности, описывающего путешествие, оформившегося в России в XVIII — XIX вв. в связи с преодолением замкнутости культуры и появившейся возможностью открывать новые западные и восточные миры. Не преследуя цель представить литературоведческую историографию вопроса, скажем, что номинационный ряд травелога включает в себя помимо собственно художественного нарратива документальные заметки, записки, очерки, отчеты, эпистолярные и, как считает А. К. Бодрова, «является пограничным жанром, находится на периферии литературного поля – на границе между художественной и документальной литературой, нередко имеет точки соприкосновения с автобиографией, письмами, воспоминаниями» [24, с. 5]. Последнее обстоятельство делает использование этой дефиниции в историческом исследовании вполне приемлемым. Анализ текстов позволяет выявить еще одно обстоятельство – их стилистика обусловлена целью путешествия. Путевые впечатления познавательно-развлекательного характера, изначально рассчитанные на опубликование, характеризуются художественным¹ [6], а военного и научного — более сухим и деловым языком [21; 22], но и в этих текстах отмечается «синтез публицистического и собственно художественного начал (например, в природоописаниях, даже собственно документальных, обнаруживается определенный набор средств художественной выразительности)» [14].

Несмотря на то, что в XVIII – XIX вв. поездки постепенно приобретали характер научных экспедиций, тем не менее путешествие как вид познавательной деятельности не прекращает своего существования, а потому первое эмоциональное впечатление встречи с незнакомым присуще всем авторам, ведь «в центре внимания путешественника оказывается то, что отличает увиденное от привычного: диковинное, необычное, запоминающееся» [16]. Правда, при более тщательном взгляде, следует согласиться с В. М. Алексеевым, сравнившим путешествие с книгой. «Умеет ее читать только тот, кто умеет читать между строк наблюдаемую жизнь. Тот же, кто ищет оригинального, экзотики, настроен «поэтически», — неминуемо впадает в ошибку, ибо в нормальных условиях жизни он ищет ненормального... Нужно уметь видеть, обдумывать, наблюдать и наблюдать не простым, а (как в астрономии) вооруженным глазом. Надо серьезно, трезво изучать культуру, язык, нравы, быт, искусство страны. И только в результате изучения все экзотическое, необычайное, смешное становится понятным, связанным причинностью. Наука стремится развенчать «оригинальное», превратив его в общечеловеческое, расширив базу для более высокой пирамиды — изучения всего человечества в едином научном масштабе» [1].

Само путешествие/экспедиция, безусловно, было важнейшим событием в жизни путешественника в силу отдаленности посещаемой территории и его длительности, связанной с транспортными возможностями (что для путешествия в Китай чрезвычайно актуально, учитывая исключительное использование вьюч-

¹ «О прошлых своих путешествиях я не буду распространяться; они были в свое время напечатаны в Figaro... Дорогой, все виденное и заслуживающее внимания буду записывать, и, если мне удастся вернуться назад, поделюсь добытыми сведениями с другими... Французские журналы просят, чтобы посылал им с пути свои заметки; но как это сделать?»

ного и гужевого транспорта большую часть XIX в.), постепенно сокращающейся по мере приближения к XX в. («“День да ночь — сутки прочь”, — говорит половица. А тут, в поезде, она в особенности подходит. За сутки проезжаешь громадное расстояние» [5]). Путешествие — это перемещение не просто в пространстве, это перемещение «в чужое культурное пространство с целью выхода за пределы наличного бытия для познания себя и мира повседневности Другого» [16], поэтому и травелог изначально нацелен на «формирование коммуникаций, объединение народов и культур, взаимопонимание несходных менталитетов» [16]. Завершая это небольшое вступление, приведем еще одну цитату из В. М. Алексеева, не согласного с «пессимистическим девизом» Р. Киплинга о невозможности встречи Востока и Запада. Увлеченный Китаем, он писал: «я убежден, что встреча “близнецов” состоится и откроет огромную перспективу всему человечеству. Реакция западной души на душу Востока и наоборот создаст новую жизнь, новых людей, новую культуру. Я счастлив именно этим синтезом, ибо, повидав Китай, его людей, изучая его великую культуру, перерождаешься заново, вмещаешь в себя, в свою плоть и кровь, еще один мир, еще одну жизнь» [1]. Этой цели — познанию своего южного соседа — посвящены все рассматриваемые нами тексты. Поскольку русские путешественники по большей части городские жители, тем интереснее восприятие ими китайских городов, через призму опыта проживания в Европейской России, ведь каждый из них ощущает себя не просто русским, но больше — европейцем в этом «Другом» культурном пространстве.

Тексты путевых заметок, мемуаров и писем позволили выделить несколько сюжетов, присутствующих в их большинстве, которые и будут освещены в представленной статье.

1. Перемещение в пространстве ставит вопрос о его границах внутренних и внешних, реальных и виртуальных. Для русского европейца, едущего на Восток через Сибирь, этот вопрос достаточно актуален, но не каждый акцентирует на нем внимание, путешествуя по стране («Где собственно начинается Сибирь и кончается Россия?»), тем более что «определенной, бесспорной границы не существует». По сути, К. А. Вяземский один из немногих авторов выделил географическую («Уральский хребет»), административную и общежитейскую границы, причем, если административная граница признанно приоритетна, поскольку «далее уже начинается страна, зависящая от сибирских губернаторов», то общежитейская — «самая существенная... потому что она сложилась в народном воображении».

Нас же в большей степени интересуют две/три другие (внешние) границы, каждая из которых не только фиксируется, но и имеет собственный образ: Кяхта — Китай/Монголия.

Первая — реальная граница — 50-верстная полоса беспошлинной торговли в обе стороны, установленная «Правилами сухопутной торговли между Россией и Китаем» (20 февраля 1862 г.), довольно специфична, поскольку «пограничных страж, столь надоедающих в Европе, здесь и в помине нет. Все ходят и ездят спокойно, и Русские к Китайцам, и Китайцы к Русским, без малейшего стеснения... в Маймачин. Узкая полоса земли отделяет его от Кяхты и есть уже преддверье Китая» [6].

Однако важнее, на наш взгляд, психологический смысл Кяхты — торговой слободы на границе России. Она последняя провожает соотечественников в длительное путешествие, она же первая встречает их после возвращения. Купола ее церквей и колокольный звон, то печальный, то радостный, — это первый образ границы. Об этом писали, завершив экспедицию в Китай, Н. Я. Бичурин: «Пред нами Кягтинская *деревянная церковь*¹ с блистающим жестяным куполом... ты первый приветствуешь меня после долговременной разлуки с отечеством!» [3] и М. Н. Пржевальский: «Мы увидели вдали *белые шпицы кяхтинских церквей... этот первый символ своей родины*» [21], на это обратили внимание отправлявшиеся в Китай К. А. Вяземский: «Мы заехали за холмик; я взглянул на нее [Кяхту — Т. П.] еще раз; один *собор* только виднелся» [6] и А. И. Кованько: «Сего дня мы переступим через *рубеж России*», «Все казаки... *приложились к кресту*... Я был далеко, почти на *краю мира*» [11].

Восприятие этой границы эмоционально окрашено: «в радостном упоении чувств» увидел Кяхту Н. Я. Бичурин, «со слезами на глазах» приветствовал ее Пржевальский, но, пожалуй, большие эмоции вызывает расставание с родиной. И это не случайно, «там, за этою *таинственной чертою*, что ждало меня?» [11]. Неизвестность вызывала и грусть, и страх: «Право, было *грустно, грустно* не на шутку!», восклицал А. И. Кованько; через тридцать лет читаем у К. А. Вяземского: «Прощай, Россия... Увижу ли тебя еще когда-нибудь? Как знать. Отправляемся в *неведомые земли*...»; те же мысли встречаем и у Л. Н. Бельковича: «Смотрели больше туда — назад — на родную сторону, и все смотрели как-то *грустно* и *сосредоточенно*, как смотрит человек, расставаясь с тем, что ему дорого...». Причем переход в это пространство «Другого» воспринимался как «вечная разлука с отечеством», «роковая минута» и более обреченно — смерть: «Сделав шаг в Монголию, я сделал, кажется, шаг в *могилу*, с тою только разницей, что в могиле бы ничего не чувствовал, а здесь и чувствую и сокрушаюсь, утешаюсь» [10]. На наш взгляд, это вполне закономерно, путник-христианин, вступая в недружественное, неосвященное пространство, «умирает» на время, лишенный поддержки, он подвергается различным лишениям, поэтому необходимы «обряды» нейтрализации опасности: целование креста, молитва «о том, чтобы Бог сохранил бы его от всех бед и несчастий и помог бы целым и невредимым вернуться» [6].

Именно потому, что путешественник не был «вполне убежден в том, что он снова вернется к этому дорогому...», так радостно возвращение в свое российское пространство или печально прощание с ним: «Благословенный край!» (Н. Я. Бичурин), «любезное отечество» (П. Е. Кирилов), «холодная, но милая страна» (К. А. Вяземский), «родная земля» (Л. Н. Белькович).

Как все неизведанное влечет настоящего путешественника, так, заручившись поддержкой высших сил, он восклицает: «Ну, братцы — вперед!», «вся земля Божия, как сказал Иоанн Златоуст, отправляясь в ссылку. ...Вперед... вперед в небесную империю, срединное государство!» [2; 6].

Вторая граница и ее образ — стена — связаны с Китаем, причем она выступает в нескольких ипостасях: и как межгосударственная, и как внутренняя, и как этническая. «С первого вступления в Китай путешественник убеждается, что

¹ Здесь и далее курсив наш. — Т. П.

главная мысль Китайцев есть мысль о защите: начиная с *великой стены*, опоясывающей Небесную империю, и до *ограды* каждого частного жилища» [11]; «Всякий городок непременно обнесен огромною каменною *стеною*, даже многие деревни позначительнее не оставлены без какой-нибудь *ограды*» [11]; «переехали через так называемую *Великую стену*, отделяющую Китай от Монголии», «огромное пространство земли, обнесенной высокою *стеною*» [11]; «*Великая стена*, как *демаркационная линия* между обеими национальностями, если могла еще способствовать удержанию номадов в их пределах, то не составила никакой преграды для колонизаторского поступательного движения китайцев» [22]; «Вот и “*Великая Стена*”, — на пороге Шансийской провинции, — осталась позади... И опять потянулась... часть той же *Великой Стены*. Место... представляло *раздельную линию*, где кончался чисто китайский состав провинции Гань-су и начиналась, так сказать, полуинородческая территория» [29].

Второй образ границы естественный — горы, цепи гор «кончится равнина, начинаются *горы*, отделяющие Монголию от Китая» [31]; «по мере приближения к *главному хребту*, составляющему естественно политическую границу Монголии и Китая» [32]; «вышли на волнистое плоскогорье Юго-Восточной Монголии, *физической границей* которой... служит окраинный *хребет* Иншань» [20].

Третий образ этой границы, как и русско-китайской воплощен в городе: «Халган... окружен *утесами*; он имеет, или имел, назначение приличное его названию (ворот) пропускать или не пропускать едущих по этому единственному пути из Монголии в Китай» [31]. Третья граница в большей степени сливается с пространством — Монголия — разделяющая Россию и Китай в рамках Забайкалья, откуда совершались экспедиции, тексты которых использованы нами, ассоциировалась с пустыней.

2. Само пространство имеет два типа — монгольское — медлительное, однообразное, скучное, почти адинамичное. Да и описания пустынного пути схожи в разновременных текстах. Вербальный ряд однотипен — длительность пути описывается эпитетами «бесконечности», состояние путника — скукой, усиливающиеся повторениями (этот прием использует Н. Шестунов: «Все степи, степи и степи!») или С. И. Черепанов: «...все ехать, ехать и ехать»). Это «*необозримая* степь Гоби, простирающаяся на тысячи верст» или «за этим хребтом степи тянутся *бесконечно* верст на 800... Ничего больше ни впереди ни с боков» [32], здесь «ни столбов, ни дороги, и только какая-то полузаглухшая тропинка, терялась в *необозримой* степи», это «цепи гор совершенно *пустых*, где даже не виднелись следы человека» и путешественники, ощущая себя «заброшенными в *беспредельности*» [11], «*безнадежно* скакали... по пустыне» [31]. Первоначально путешествующего поражает новизна пространства: «Поразительное *однообразие* Гоби, *занимавшее* сначала нас своею необычайностью и оригинальным видом своих жителей, так *надоело*» [31], затем утомляет, превращая его в путь «*несносно-утомительный* среди пустыни и гор безлюдной Монголии», «*утомительная* степь, которая всем нам до чрезвычайности *надоела*», «спутникам степь *начинает надоедать*» [32]. Хронотоп пустыни усилен длительностью времени: «это было самое *скучное* время, и, чтоб как-нибудь *убить его*, мы то ели, то играли в бостон» [11], «О! какая *скука* все ехать... и только слышать название станций» [32].

«Монгольские мытарства», в которых «аргальный огонь пополам с едким дымом составляет лучшее наслаждение» [10], сопровождались монгольскими песнями. «Меланхолический напев их вполне выражает состояние души обитателя пустыни ...кажется... что нигде нельзя научиться лучше *выть* как здесь» [31].

Кстати, эти чувства присущи не только русским европейцам, но и маньчжурам: «Офицер жаловался на страшную *скуку*, *томившую* его в этом *пустынном* месте, и с восторгом вспоминал о кипучей жизни Внутреннего Китая» [20].

Это пространство не способен наполнить динамизмом даже город, да и город этот специфичен и не выделяется из общей картины пустыни: «Никакой признак деятельности *не оживляет* его окрестностей [Урга. — *Т. П.*]: даже поля *оставлены* без возделывания и только *сомнительный* признак дороги, появившийся за несколько верст от города, показывал, что тут живут люди» [11]. Ему вторит П. А. Ровинский, почти извиняясь, что назвал Ургу городом, поясняет: «Городов в смысле европейском и даже в смысле китайском у монголов нет. ...Это собственно ламский город, где кроме кумирен, ламских мазанок и юрт... никакого другого жилья нет» [23]. Более категорично выразился Н. М. Пржевальский: «на белом фоне только что выпавшего снега чернелся грязной безобразной кучей священный город монголов Урга» [21]. Правда, после длительного пути через пустыню даже такой город мог показаться «Вавилоном!» [10], а пограничный Калган — «великолепной и неожиданной картиной» [6].

Второй тип пространства — китайский — деятельный, динамичный, активный, многолюдный, насыщенный. Это пространство, которое отличается не только начавшейся деятельностью: «мы очутились на равнине. Но какая противоположность между ней и соседней Монголией!» [20]; «взорам нашим представилась пестрая картина живой *деятельности*... Вообще, наше путешествие приняло другой характер: эта жизнь, эта людность вокруг... все пространство нами перееханное... носило на себе признаки удивительной *деятельности* Китайцев» [11]; «Словом, на каждом шагу чувствовалось, что находишься в пределах густо населенного Китая» [21]. Здесь даже природа преобразается: «нигде не видно *ни клочка свободной земли*: все вспахано или застроено...» [20]. «Земля *почти всюду обработана*; поселки большие китайские встречаются на каждом шагу» [32].

Скученность — одна из характеристик этого пространства: «на каждой версте встречалось по две, по три деревни, кумирни, кладбища с рощами и обелисками», а внутри же «Великой стены... местами на одной версте насчитывали мы по три, по четыре деревни и в числе их попадало немало многолюдных» [20].

Добавим к этому постоянное скопление, «*бездна*» народа, который «*толпится* и *кипит* на улицах», отмеченные М. В. Ладыженским, или такое множество народа, «что он так просто и *кишит*...» у К. А. Вяземского, или «невиданное никогда до сего многолюдство» у П. Е. Кирилова.

В описаниях Китая у разных авторов встречаются одни и те же характеристики: о «сплошной *толчее*» говорит В. Д. Черевков, о «постоянной *сутолоке*», «вечной *суете* и *толкотне*» — К. А. Вяземский, о «*суетящейся* толпе и *давке*» — В. Семенов.

Эта невообразимая деятельность воплощена в движении людей и животных: «*снуют* люди, и все это люди занятые... все *спешат*, *едут* или *идут*, *несут* товар, *торгуют* или хоть милостыню *просят*...» [6], *идут* погонщики, «носильщики, с огромными тяжестями на плечах» *бегут* «какой-то особенной, быстрой по-

ходкой» [30]; «по дороге *беспреданно* попадались проезжие то верхом, то на мулах» [20]; «по скатам гор *спускались* ослы», «огромные цепи верблюдов... тянутся *непрерывною* цепью» [11]; «тянутся *беспрерывною* цепью тележки» [10]; «*снут* сотни шлюпок... удивительно *проворных*» [30], что позволило Г. Е. Грумм-Гржимайло назвать китайцев «вечными странниками».

«Китайская суетня» [6] или «чуть ли не столпотворение вавилонское» [8] вызывает сравнение с муравейником: «на полях рабочие *копошились* словно муравьи» [20], город Нин-по... — человеческий *муравейник* [30], а масса народа «всей своей совокупностью производит впечатление громадного *муравейника*» [8] или полноводной реки: «*волны* народа, шумно *текущего* по улицам» [30].

3. И город соответствует этому пространству, концентрируя, вбирая в себя всю эту деятельность. Пожалуй, будет правильнее сказать, что именно город и активизирует эту деятельность. В описании китайского города в большей степени, чем в каком-либо другом описании, чувствуется русский и европейский опыт авторов. «Жизнь... города... своеобразна и интересна. Конечно, многое от меня как путешественника могло ускользнуть, многое в ней осталось неясным, но за всем тем я все же считаю не лишним свести в связанное целое все то, что мне удалось в ней подметить» [8].

Так что же удалось подметить в китайском городе русским путешественникам?

Обращает внимание, во-первых, их многочисленность и людность: «Городов в Китае необыкновенно много, и некоторые из них люднее больших городов Европы. Первостепенные города, имеющие от 300 до 500 и более тысяч жителей, попадаются там весьма часто. В столицах, как известно, жители считаются миллионами» [18]; во-вторых, как говорилось выше, города «все без исключения окружены стенами и могут быть приведены в оборонительное состояние» [21]; в-третьих, специфичность структуры: «Построены они... плохо. Узкие, кривые, грязные улицы, дома большею частью тоже маленькие» [18], где «замечательных зданий нет, исключая кумирень, отличающихся величиною и пестротой архитектуры... все дома... строятся в один этаж» [11], «постройки одинаковой высоты, крайне однообразные, грязносерые здания» [8], «садов вообще мало» [11], но встречаются исключения, «в новых городских предместьях, как, например, в Тиен-цине, или в городах, сделавшихся жертвою пожара и потом отстроенных по новому плану. Таковы, например, Чин-ту-фу — столица одной из богатейших провинций Китая — Се-Чуэна» [18]; в-четвертых, их однообразие: «все города устроены по *одному образцу*, и путешественник, раз познакомившись с одним из них, может дальше ехать в полной уверенности, что и во всех последующих он найдет то же самое... Городок Тугурик выглядел *родным братом* городку Хутуби... Манас выглядел таким же *шаблонным городом*, как и все виденные нами доселе в Китае... [8], «Са-чжеу... *одинаково* похож на все китайские города» [21]. Более того, представление о китайской городской застройке путешественник получает сразу на границе, в Маймачине: «В планировании улиц, фасаде зданий и, вообще, в наружном устройстве видите *одно и то же*, что в Кяхтинском Маймачене» [17].

Удивительно, в Монголии путешественник фиксирует однообразие «пустоты», в Китае — однообразие «наполненности»: «вид улиц чрезвычайно *однообразен* и *грустен... мало отличающихся* одна от другой» [11], более того, «если

бы завязать глаза и, придя на сию улицу, снять повязку, то трудно бы было вдруг сказать, на какой именно улице находишься» [15], «совершенно *однообразный*, наподобие всех китайских городов» [5]. В целом же они представляют и напоминают восточный город «с узкими улицами, грязными домишками, множеством всякой снеди на базаре» [6].

Китайский город ошеломляет, шокирует и удивляет вновь прибывшего непонятными действиями, но при этом вызывает неподдельный интерес: «Я смотрю на все это впервые, с *лихорадочным интересом*. Тут для меня что ни шаг, то *удивление*. — Это зачем? Это почему? Что это за штука? — кричу беспрестанно... да и посмотреть-то хочется по сторонам. *Очень уж интересно!*» [5]. Везде «ключом бьет *странная жизнь*, шумная, крикливая, оставляющая в душе *мутно-тяжелое чувство* чего-то *подавляюще-огромного*... кипит *могучая, далекая* тебе жизнь, и чувствуешь себя таким *заброшенным, одиноким, покинутым* в этой *чуждой, страшно-чуждой* толпе» [30], но это демонстрация обманчива: «многолюдство производит *ошеломляющее впечатление* на иностранца, который, видя себя в подобии *муравейника*, получает зачастую совсем ложное представление о населенности города, ...пройдите один-два квартала, и вас невольно поразит господствующая кругом тишина и как будто даже пустынность» [8], да и «движение на улицах бывает не более как до 8 часов» [17].

Китайский город напрягает и обостряет все чувства путешественника.

Прежде всего, слух. Некоторые цитаты, приведенные выше, уже дают некое представление об этом, здесь же хотелось бы усилить несколько акустических акцентов, с которыми пришлось столкнуться авторам.

Нет ни одного текста, в котором бы не было упоминаний о шумности китайского торгового города, главной характеристикой которого становится — хаос, а его проявлениями шум и гам: «джонки, полные людского *шума, гама*, таких *неистовых воплей*, как будто на них идет не обычный разговор, а *отчаянная ругань*, которая вот-вот перейдет в драку» [30]; «*Шум* толпы, *крики* торговцев, *пронзительные трели* детских глиняных свистулек... сливаются в общий *звуковой хаос*, в котором нелегко что-нибудь различить» [1], «Нищие ходят толпами... *ударяя* в гонги, или тазы, и *припевая*» [9], «Повсюду *шум и гам* *неумолкаемый*» [20], «Множество разнощиков *кричащих, поющих, брянцающих*, и *стук* экипажей по мостовой, производят самый *оглушительный шум*» [31], слышны голоса «разнощиков и различного *бряцанья* их в медные тазы, в щелкушки, маленькие барабанчики» [15], «*Крик* разнощиков, *звон* в разные колотушки — были *оглушительные*. С непривычки у меня голова пошла кругом» [5], «какой-то *гул* от говора вечно стоит над городом [Пекин. — *Т. П.*]» [6], а в Нинг-по-фу «Все *кричало, бранилось, толкалось*» [27], «С раннего утра над городом [Шанхай. — *Т. П.*] стоит *несмолкаемый шум и гам*» [25].

К этому торговому шуму добавляется шум уличных развлечений: «рассказчик... подыгрывая на двух- или трехструнной гитаре, на распев *горланит* какую-нибудь забавную историю... *возвышается голос* хозяина панорамы, который *дико выкрикивает* содержание своих картин, а в то время, когда переводит дух, колотит с *оглушающим звоном* в медные тарелки» [11], слышатся «отголоски и звуки *разительной* музыки, а также и *хрипло визгливых* голосов актеров и актрис», «если *шум* можно назвать музыкою» [10], «Сквозь *шум* толпы несутся *удары* барабана, отбивающего ритм, *звон* меди, *завывание* гонга. Оркестр на

сцене» [1]. Непременным развлечением китайского горожанина был уличный театр, где «оглушала музыка; кроме струнных инструментов (скрипок) и духовых (флейт) *трещали* барабаны и колотушки» [1], музыкой и пением развлекали посетителей чайных: «Звуки гитар были сносны; но ужасно было пение и аккомпанемент к нему, особенно деревянные колотушки. Певицы *визжали* фальцетом *отрывисто* и *дикое*, — казалось, они безо всякого ритма надрывали свой голос» [1]. Правда, о китайской музыке большая часть путешественников, караваны которых формировались в Кяхте, имели некоторое представление и знакомились с ней на маймачинском обеде: «Музыка была в полном смысле неистовая», скрипки и флейты «издавали самые гнусливые звуки», кларнеты, медные тарелки и огромные сковороды все заглушали «какими-то потрясающими душу звуками, порождающими болезненное ощущение» [11], но это не снижало градус неприятия.

В этот непрекращающийся звуковой фон вливался звук китайской школы: «Гвалт... встает во весь рост и *оглушает*, *бьет* по уху... И страшный *гам* — нелепый и *однотонный* — какой-то *дикий хаос оглушительных звуков* бьется под невысоким потолком школьной фанзы... *неистово выкрикиваемых звуков*... А так как учиться и кричать — одно и то же, ученики *кричат* неистово, до хрипоты, наполняя фанзу *безумным хаосом звуков*» [25].

И, наконец, венец акустического удара для русско-европейского уха — китайские праздники: «поднялась *страшная трескотня* кругом... так что *не прерывается стрельба* или *хлопанье* ракет фонтанов и подобных штук... *беспрерывными* переливами фейерверочных штук, и вдали и вблизи раздающимися... слышны были *стук металлических музыкальных тарелок*», «*Стукотня* продолжалась во всю ночь без умолку... *Трескотня* от ракет продолжается по городу с утра и до вечера» [15], это действие сопровождалось «музыкой, состоящей из тазов, бубнов и деревянных колотушек, несущейся из кумирень» [15]. «*Резкие, кричащие звуки*, вырываясь отовсюду, из каждой фанзы — вблизи, вдали — сливаются в какую-то *чудовищную музыку*, в сплошной, длящийся, *однотонный гомон*. И целый день неподвижной тучей висит этот *гомон* над праздничным городом» [25].

Так же как и внешний вид, звуковой ряд китайского города воспринимается однотонным, и этой своей однообразностью и непривычностью он оглушал и утомлял, но, в отличие от архитектурного однообразия, примириться с звуковой однотонностью европейскому уху первоначально сложно: спутники А. И. Кованько ехали, «*оглушенные шумом и криками*», П. Е. Кирилову «*надоедает* крик торгашей, также *утомителен* для непривычных ушей *беспрерывный стук, бряцанье* и *тресканье* различных продавцов», В. М. Алексею «*Надоедала* и *оглушала* музыка».

Китайский город поражал обоняние русского европейца, совершенно невероятными запахами, к чему, как правило, он был не готов. Даже в начале XX в., когда были изданы многие описания Китая почти за столетие и путешественник имел некое представление о запахе страны, реальность превосходила всякие ожидания. Это, пожалуй, одно из самых неприятных ощущений от Китая. Вербальный ряд здесь довольно скуден, что говорит об одинаковости восприятия, как и темы, затронутые авторами, — запахи улицы и еды, причем эти запахи сливались, дополняли друг друга — смрад и вонь — основные характеристики, встречающиеся во всех без исключения текстах: «*несносный смрад* от ям, *выры-*

тых почти при каждом повороте в малые улицы» [4], *вонь* от животных, «доводящая до ужаса» [1], «еще более *смраду* от всякой дряни, выкидываемой из трактиров», «ветерок распространил *ужаснейшую вонь*, так что едва возможно было переводить дух», «*вонь*... особенно была чувствительна... в сумерки... от обыкновения поливать на ночь улицы всякой мерзостью... помоями и всякою нечистотою» [15], «*смрад* и *едкий чад* — обычная в нем [Урумчи. — Т. II.] атмосфера» [8].

Для полноты картины, представшей перед путешественниками, разорвем описание обонятельного впечатления, констатируемой ими антисанитарией как одной из причин невообразимо неприятного запаха. Грязь и нечистоты сопровождают жизнь китайского города. Пожалуй, было бы целесообразно привести некую статистику частотности повторения в текстах этих характеристик, но ограничимся лишь цитатами: на каналы «с *нечистотою*» или «с *грязной* водой» обращали внимание Н. Я. Бичурин и М. В. Ладыженский, даже религиозные строения вызывали нарекания: «наружность капища *мало опрятна*» [15], не говоря уже о трактирах: «*копоть* на всем и повсюду; если что-нибудь подают, то подают до *отвращения грязно*» [8]. Антисанитария улиц — расхожее место в текстах: «*Грязь* и *зловоние* царствуют везде» [19], «улицы узки и *грязны*» в Улясутае [20], в Гирине «о, ужас! ...Никаким пером нельзя описать, что это была за *грязь!*» [5], «в непогоду, когда “Киндык” обращается в сплошную *клоаку вонючей грязи*, каждый проезжий обдаёт посетителя [трактира. — Т. II.] дождем брызг и комьями *грязи!*» [8]. Чи-Фу «не представляет ничего достопримечательного: ...нестерпимая *грязь* и *вонь*», а «Амой, вероятно, самый *грязный* город в Китае; особенно отвратительны его пригороды» [30]. «Цзя-юй-гуань, — пишет Г. Е. Грум-Гржимайло, — предместье — ...небольшое и поразительно *грязное*. *Грязное* даже зимой!» И искренне удивляется: «Что же делается здесь летом?» А В. Д. Черевков в своих размышлениях о чистоте улиц в разных уголках мира говорит: «В Европе славятся своею грязью и вонью Константинополь и Москва; но византийско-московская грязь ничто в сравнении с *мерзостью* большого и богатого Нин-по». Но с этим обстоятельством, как заметил В. В. Крестовский: «всегда уже приходится мириться». Более того, какой бы неожиданной для русского европейца ни была антисанитария китайского города, длительное пребывание в Китае так или иначе способствовало привыканию к ней: «мы уже два с лишним года покинули Европу и успели до известной степени акклиматизироваться в азиатской грязи» [27].

Помимо этого, улицы были «неудобопроезжаемые» [6], труднопроходимы и опасны для пешехода, потому что на «узеньких улицах... лежали вороха всякого сора, стояли целые лужи помоев... местами валялись трупы собак... скелеты павших верблюдов, тут же на месте и разложившихся» [19]; они «всегда завалены или лесом, или кирпичом, или строевыми камнями, или соломенными хлебными закромами» [10]; «опасно идти скоро по... скользкой, слизистой грязи, покрывающей широкие плиты мостовой» [30].

Но более всего неприятна пыль: «в целом свете нет столько *пыли*, сколько наберется ее на одной пекинской улице... при малейшем ветерке самая *тонкая пыль* густыми облаками носится над городом, засыпая глаза, набиваясь в рот, нос и уши... лица идущих и едущих, без всякого преувеличения, покрываются значительным слоем *смрадной пыли*», — восклицал А. И. Кованько в 1830-е гг., «*пыль* на улицах застилает людей, как облако, и нередко люди натываются один на

другого, ничего не видя из-за этой *пыли*», — свидетельствовал в 1890-е К. А. Вяземский. «Да как же о чистоте тут и думать, когда с улицы несет сюда беспрепятственно *пыль*», — вторил ему Г. Е. Грумм-Гржимайло.

И в начале века, и в конце русские путешественники обращали внимание на эту необычность китайского города. Но если в начале века Н. Я. Бичурин удивленно замечал эту особенность как «величайшую противоположность с тонкою разборчивостью китайского вкуса в прочих вещах», то в конце века М. Грулев констатировал: «Китайцы как-то сроднились с грязью и зловонием, которые неразлучны с ними всюду», и, добавлял Г. Е. Грумм-Гржимайло, относятся «к окружающей... грязи довольно безучастно».

Справедливости ради скажем, что на пути встречались и другие города. В частности, М. В. Певцов упоминает о Кобдо, который по «своей чистоте... составляет редкое исключение между китайскими городами», а Г. Е. Грумм-Гржимайло говорит о Ханду, отличавшемся «поразительной чистотой» из-за сухого климата и обычая «утилизировать всякие отбросы», и о Юй-мыне — «небольшом, но чистеньком городке», который поражает «непривычной картиной»: «везде видишь... столь необычайную для китайского города чистоту и порядок».

Особенный запах, «правда, не очень упоительный», придавали китайскому городу, как считал С. И. Черепанов, каменный уголь и травяное масло. Более жестко выразился по этому поводу Г. Е. Грумм-Гржимайло: «едкий дым каменного угля и сжигаемого полусырым назема и всяких отбросов... и *чад* — неминуемый спутник всякой китайской стряпни» способствовали тому, что «улица... стала приобретать ту *отвратительную атмосферу*, которая так характеризует каждое местечко в Китае». Под травяным маслом подразумевалось кунжутное масло, широко применяемое китайцами в пищу: «*противный запах* кунжутного масла... заставлял по временам зажимать нос» [20], «особенно *донимает чад* кунжутного масла, который густыми клубами носится по улице от походных кухонь» [30]; трактиры «заявляют о себе изобильным *чадом* жареного кунжутного масла» [12]. Помимо этого, путешественнику/наблюдателю не всегда удавалось «обойти раскланивающихся, *воняющих* чесноком, обшарпанных приятелей» [10]. Присовокупим к этому свидетельство Л. Н. Бельковича, добавляющее еще один элемент атмосферы города: «В воздухе носился своеобразный и свойственный только китайскому жилью какой-то *грязный и масляный запах*; впрочем, запах этот, как кажется, исходил не столько из домов, сколько от людей, запрудивших собою улицу... неся... какой-то *приторный, пряный и масляный запах*, вдыхая который, я всегда почему-то ощущал прилив тяжелой и давящей тоски». И, наконец, последний компонент, без которого специфическая обонятельная картина была бы неполной: «Идем через весь город (Сяньян. — Т. П.). Пыльно, душно, невыносимый *сморд опиума*... опиумные горелки *чадят* всюду», густые облака «синеватого *чада*, состоявшего из всевозможных испарений и опийного *дыма*», наполняли чайные, «удушлива и тяжела» была атмосфера в курильне опиума в Шанхае [1].

Не менее интересно визуальное ощущение от города. Зрительное восприятие связано с цветом и словом. Да, это не оговорка, словом, поскольку речь идет о слове видимом, а не слышимом, причем довольно часто цвет и слово слитны. Это имеет самое непосредственное отношение к торговым лавкам и может рас-

смагиваться как совершенное новшество в городском опыте русского европейца: «*Пестрота* освещения была для меня новость» [15], кстати, «пестрота» — довольно частая характеристика китайского города («Не могу изобразить той *пестроты*... которая представилась нам на улицах Пекина»; «*пестрота* архитектуры», А. И. Кованько; «те же *пестрые* вывески», М. В. Ладыженский; «*пестреют* тысячи вывесок», В. Д. Черевков; «внутри города очень *пестро*», К. А. Вяземский; «позолота *пестрит* эти и без того уже *пестрые* украшения», вывески «массами *пестрели* повсюду», В. М. Алексеев; «улица... кажется веселой *пестрой*», А. Ронштейн). Нельзя сказать, что путешественники не имели представления о рекламных вывесках или плакатах, но то, что они увидели в китайском городе, было «эффектно... странно до крайности!», поскольку «очень оригинальный вид представляют вывески у магазинов» [30]. Это были «узкие деревянные доски, *белые и черные, лакированные, с красными и золотыми китайскими письменами*» [30], «в виде фонарей, флагов, знамен, *золоченых и ярко выкрашенных* фигур» [1], которые «висят перпендикулярно к земле, и вы идете тогда точно между висячими колоннами, или раскинулись от здания к зданию, образуя род арок. Во многих местах улица закрыта еще сверху *голубыми* или *желтыми*, прозрачными покрывалами» [30], а над головами прохожих вдоль и поперек улицы висят еще флаги и фонари всевозможных размеров, от чего «образуется как бы колеблющийся потолок» [1].

К этому стоит добавить еще и традицию расклеивания «повсюду — на стенах, на столбах, на карнизах, на воротах, над дверями» — бумаги «*красной с черными письменами, золотой с красными письменами*» [25].

Сами строения выглядели красочно, ни один путешественник не обошел стороной их внешний вид: лавки, «украшенные *киноварью, лазурью, лаком и золотом*», живописал Н. Я. Бичурин [3], о «*раззолоченных* или *раскрашенных* лавочках» в Пекине упоминает П. Е. Кирилов, разукрашенные всевозможными цветами или раззолоченные дома — К. А. Вяземский, а В. М. Алексеев, описывая Шанхай, говорит о целой улице заведений, где «все... *выкрашено в яркие цвета*, преимущественно *красный*; все *лакировано*, местами *блестит медь*».

В отличие от акустического эффекта, вызывающего неприязнь, цветовой — радует. Разноцветные лавки «разнообразят и оживляют» [11] и придают улицам не только «довольно привлекательности» [4], но и «какой-то необыкновенно яркий, веселый вид», потому что «вся эта свежая позолота совершенно затеняет старые камни и ветхие черепицы» [25] и, как следствие, «прогулка по сей улице мне довольно понравилась» [15].

Однако, несмотря на это положительно приятное восприятие цвета, все же прорываются негативные аспекты, вызванные, как это ни странно, цветовой монотонностью, причем, по словам Г. Е. Грумм-Гржимайло, она пронизывает все, это монотонность синего: «*синие* громадные матовые¹ вывески, *синие* экипажи, *синие* одежды на богачах и на нищих», как «повсюду в Китае... преобладает *синий* цвет одежды, даже чалмы на китайских мусульманах *синие*» [1], «старик в *синем* халате, полинялой *голубой* шапке машет нам рукой и что-то кричит» [5], «видны были местами *синия* человеческие фигуры... *Синие* люди исполняли его

¹ Мата — очень грубая местная бумажная материя, напоминающая русскую бязь [8].

команду» [2], «Целое море *синих* китайских халатов» [26]. Даже за пределами страны китайцы строго следовали цветовой традиции одеяний: в начале XX в. в связи со сложной обстановкой в Китае Россию покидали китайские рабочие. А. В. Верещагин, отправляясь в Маньчжурию, встретил их в поезде: «Все они одеты в *синие* куртки и такие же шаровары». Можно выйти за пределы данного сюжета и привести монгольское название города Гуй-хуа-чена Куку-хото, что в переводе означает «*синий* город» [20]. Если *синий* — цвет повседневности, то *красный* — праздника («на улицах густые толпы народа, причем явно доминирует *красный* цвет: женщины в *красных* штанах, мужчины — в *красных* хламидах. Это наводит... на мысль о празднестве *чэнхуана*» [1] или форменной одежды («солдаты, одетые в *красные* куртки с нашитыми на груди большими литерами из черного сукна») [2].

Слово, так же как цвет, имеет и самостоятельное значение, более того, как правило, это поучающее, морализирующее слово. «Все улицы, все комнаты в городах и селах Китая увешаны и облеплены всякого рода *сентенциями*, на которые китайцы чрезвычайно падки», констатировал В. Обручев. Ему вторил В. М. Алексеев, называя Китай страной надписей: «Все те места, которые у нас свободны от надписей, в Китае обычно ими покрыты: косяки, полотнища дверей дома, стены над окнами и т. д.». И это неслучайно, такое количество надписей призвано служить «доказательством грамотности хозяев» [5]. И завершая этот небольшой сюжет, отметим, что китайцам оказалось мало покрыть надписями все свободные места помещений, слово, прикрепленное к стене, свисающее на полотне, перемещается на заборы, формируя т. н. «заборную литературу». В этом смысле Китай не является мировым исключением, но, в отличие от России и Европы, «она отнюдь никого не шокирует, не скаброзна и не фривольна», она вызывает уважение [1].

4. Какими бы предварительными специальными знаниями не обладал описывающий путешествие (а уже к концу века путешественники совершенно точно осознавали, что «Нельзя идти слепыми по Центральной Азии. Нужны знания, ярко освещающие ее внутренний мир... Только с предварительно добытыми, понемногу оформленными знаниями мыслимо и разумно пускаться в тяжелый путь...» [29]), личный опыт имел не меньшее значение и именно он заставлял в новых картинах этого оригинального восточного мира искать и находить ассоциации, познавать его через знакомое, сравнимое — города России или Европы, причем сравнение носило констатирующий, но чаще оценочный характер.

Н. Я. Бичурин обращает внимание на то, что площади «в Кремле все вымощены городовым кирпичом», а в «Китае городовым кирпичом называется тот, из которого кладут городские стены», М. В. Ладыженский — на то, что «мостовые делаются здесь из огромных плит, таких, какие у нас кладутся для тротуаров», В. Семенов проходил по горбтому мосту, перекинувшемуся через канал, «которому во многих случаях позавидовали бы и Мойка и Фонтанка», А. В. Верещагину «эти стены, ворота, да и сама башня напоминали... московский Кремль». Для П. А. Кропоткина Мерген — «ничтожный город, напоминающий по своему характеру русский уездный город, основанный ради правительственных соображений», увидев в нем «разваливающиеся ворота с резными украшениями, грозящие гибелью неосторожному проезжему», переносится «в родимый уездный город, где и гостиный двор устроили, а все-таки торговля не привилась,

да и торговать некому, а главное — не с кем», долго бродя по закоулкам Айгуна, пришел к выводу, что он напоминает «любой наш уездный город». В. Д. Черевков, описывая летний Чи-фу как «один из самых здоровых пунктов Китая», констатирует, что «ни он, да и никакой другой пункт Дальнего Востока не может быть поставлен в гигиеническом отношении на одну доску ни с одним из русских тихоокеанских портов» ни климатом, ни эпидемиологическими условиями, ни возможностью морских купаний.

Тот же Н. Я. Бичурин сожалеет о том, что в Пекине «нет тех прекрасных, великолепных зданий, тех правильных, чистых улиц, чем славятся столицы Европейских держав», Е. Ф. Тимковский — о том, что в нем нет «великолепных набережных и тротуаров, и не встретите яркого освещения домов, лавок и улиц — учреждений, коими обыкновенно прельщается путешественник в городах Европейских». Весь Китай с точки зрения П. В. Добеля «можно бы назвать... *Венецию* в огромном виде», описывая Кантон, он отмечает «удобство взаимного сообщения, какого нет ни в самой Англии». Его улицы «особенно торговых и ремесленных кварталов... представляют такое оживление, тесноту и давку, о каких не могут дать понятия ни одни из самых бойких городов европейского запада» [30]. Начиная свое повествование о новом путешествии «в глубь азиатских пустынь», Н. М. Пржевальский восклицает: «Опять передо мною раскрывался совершенно иной мир, ни в чем не похожий на нашу Европу!»

В завершение отметим, что все авторы-путешественники, тексты которых были использованы, могли вслед за С. И. Черепановым произнести: «Я никогда не путешествовал для удовольствия путешествовать и видеть различные земли и различных людей, но страстно любил читать всякие описания путешествий и кое-что удержал из них в памяти» и в полной мере согласиться с тем, что каждый из них вступал «на китайскую землю без предубеждений, без вражды, без склонности насмехаться над чужестранным, единственно потому, что оно не похоже на наше», а исключительно для познания, лучшего проникновения в культуру «Другого», тщательного уважительного изучения пространства «иног».

Таким образом, все сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что в отличие от изменяющегося взгляда на культурные и политические традиции, появления взвешенного отношения, о чем говорилось в предшествующем тексте, восприятие другого культурного пространства, централизованного городом, оставалось неизменным на протяжении всего времени познания. Это объясняется тем мощным влиянием, которому подвергалась чувственная сфера русского европейца. Китайский мир, китайский город своим видом, цветом, акустикой, запахами оказывал прежде всего эмоциональное воздействие на впервые встретившегося с ним путешественника. С течением времени это воздействие несколько притуплялось, но не исчезало.

Литература

1. Алексеев В. М. В старом Китае. Дневники путешествия 1907 г. Москва, 1958. URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 15.03.2021). Текст: электронный.
2. Белькович Л. Н. В чужой стране // Русская старина. 1918. № 1–2. URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 15.03.2021). Текст: электронный.

Т. В. Паликова. Городское пространство Внутренней Азии в травелогах российской ориенталистики XIX — начала XX в.

3. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Описание Пекина с приложением плана сей столицы, снятого в 1817 г. URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 15.03.2021). Текст: электронный.
4. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом. Т. 1. URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 15.03.2021). Текст: электронный.
5. Верецагин А. В. По Маньчжурии. Воспоминания и рассказы // Вестник Европы. 1902. № 2, 3. URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 15.03.2021). Текст: электронный.
6. Вяземский К. А. Путешествие вокруг Азии верхом // Русское Обозрение. 1894. № 9–10; 1895. № 2, 7, 8, 9. URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 15.03.2021). Текст: электронный.
7. Грулев М. Из поездки в Маньчжурию // Исторический вестник. 1900. № 9. URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 15.03.2021). Текст: электронный.
8. Грумм-Гржимайло Г. Е. Описание путешествия в Западный Китай. Москва: Огиз, 1948. URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 15.03.2021). Текст: электронный.
9. Добель В. П. Замечания о Китае // Дух журналов. 1818. Кн. 3–6, 10, 11, 13, 15. URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 15.03.2021). Текст: электронный.
10. Кирилов П. Е. Пекинские письма доктора Кирилова. URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 15.03.2021). Текст: электронный.
11. Кованько А. И. Поездка в Китай // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1842. Т. 35, № 140. URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 15.03.2021). Текст: электронный.
12. Крестовский В. В. В дальних водах и странах // Русский вестник. 1885. № 1, 2, 4, 6, 7, 9, 11, 12; 1886. № 1–3, 5, 6–8, 10, 11; 1887. № 3–7. URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 15.03.2021). Текст: электронный.
13. Кропоткин П. А. Поездка из Забайкалья на Амур через Маньчжурию // Русский вестник. 1865. № 6. URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 15.03.2021). Текст: электронный.
14. Кублицкая О. В. Путевая проза: жанр, стиль, дискурс, нарратив (итоги и перспективы изучения). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/putevaya-proza-zhanr-stil-diskurs-narrativ-itogi-i-perspektivy-izucheniya> (дата обращения: 20.04.2021). Текст: электронный.
15. Ладыженский М. В. Дневник, веденный в Пекине с 1-го декабря 1830-го года // Известия братства православной церкви в Китае. 1907. № 44–45. URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 15.03.2021). Текст: электронный.
16. Мамуркина О. В. Трансформация образа «чужого» пространства в русской литературе XII–XVIII веков: от хождения к травелогю. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-obraza-chuzhogo-prostranstva-v-russkoy-literature-xii-xviii-vekov-ot-hozheniya-k-travelogu> (дата обращения: 20.04.2021). Текст: электронный.
17. Мордвинов А. Поездка в Монголию // Современник. 1852. № 6. URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 15.03.2021). Текст: электронный.
18. Обручев В. Китай и Европа // Современник. 1861. № 1. URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 15.03.2021). Текст: электронный.
19. Певцов М. В. Путевые очерки Джунгарии // Путешествия по Китаю и Монголии. Москва: Гос. изд-во географ. лит-ры, 1951. URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 15.03.2021). Текст: электронный.
20. Певцов М. В. Очерки путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая // Путешествия по Китаю и Монголии. Москва: Гос. изд-во географ. лит-ры, 1951. URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 15.03.2021). Текст: электронный.
21. Пржевальский Н. М. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 15.03.2021). Текст: электронный.
22. Путята Д. В. Предварительный отчет об экспедиции в Хинган в 1891 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Санкт-

Петербург, 1892. Вып. L. URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 15.03.2021). Текст: электронный.

23. Ровинский П. А. Мои странствования по Монголии // Вестник Европы. 1874. № 7. URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 15.03.2021). Текст: электронный.

24. Рокина Г. В. Травелог как исторический источник // Запад — Восток. 2016. № 9. С. 5–8. Текст: непосредственный.

25. Ронштейн А. Маньчжурские очерки. Личные наблюдения и заметки // Вестник Европы. 1907. № 2. URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 15.03.2021). Текст: электронный.

26. Рунич С. В Маньчжурии // Исторический вестник. 1904. № 4. URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 15.03.2021). Текст: электронный.

27. Семенов В. В глуши Китая. Очерки // Русский вестник. 1893. № 2. URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 15.03.2021). Текст: электронный.

28. Тимковский Е. Ф. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах // Северный архив. 1824. Ч. 10, № 8. URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 15.03.2021). Текст: электронный.

29. Ухтомский Э. Э. На путях в Лхассу // Русское обозрение. 1892. № 4. URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 15.03.2021). Текст: электронный.

30. Черевков В. Д. По китайскому побережью // Исторический вестник. 1898. № 12. URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 15.03.2021). Текст: электронный.

31. Черепанов С. И. Путешествие сибирского казака в Пекин // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1854. Т. 108, № 431. URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 15.03.2021). Текст: электронный.

32. Шестунов Н. От Кяхты до Калгана // Русский вестник. 1880. № 9. URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 15.03.2021). Текст: электронный.

Статья поступила в редакцию 23.03.2021; одобрена после рецензирования 26.04.2021; принята к публикации 18.05.2021.

URBAN SPACE OF INNER ASIA IN TRAVELOGUES OF RUSSIAN ORIENTALISM IN THE 19th AND EARLY 20th CENTURIES

Tatyana V. Palikova

Dr. Sci. (History), Prof. of World and Russian History Department,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude 670000, Russia
tatianap25@yandex.ru

Abstract. The article is a continuation of the study of the perception of “other” within the framework of the binary “Friend — Alien” based on criteria that we have singled out in the previous publication. To confirm the initial conclusions, we significantly expanded a number of domestic “travel writings” of missionaries, scientists, military men, publicists and expeditionaries of the 19th and early 20th centuries. Using the literary theory of the travelogue genre verging on nonfictional literature (diaries, reports, memoirs, notes, epistolaries) we have come to the conclusion about its possible application in historical research, and identified several topics that are most often encountered in the texts of travelers: border, space and town, that affects the entire sensory sphere of a person (vision, smell, hearing), causing in most cases the initial rejection, which is replaced with conformation over time, but does not disappear completely.

Keywords: travel, the 19th and early 20th centuries, China, town, description

Т. В. Паликова. Городское пространство Внутренней Азии в травелогах российской ориенталистики XIX — начала XX в.

For citation

Palikova T. V. Urban Space of Inner Asia in Travelogues of Russian Orientalism in the 19th and Early 20th Centuries. *Bulletin of Buryat State University. Humanities Research of Inner Asia*. 2021; 1: 3–19 (In Russ.).

The article was submitted 23.03.2021; approved after reviewing 26.04.2021; accepted for publication 18.05.2021.